

УДК 34**Проблемы установления субъективной стороны преступления в условиях сложных форм вины и смешанной виновности****Бордакова Анна Геннадьевна**

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра организации борьбы с экономическими преступлениями,
Самарский государственный экономический университет,
443090, Российская Федерация, Самара, ул. Советской Армии, 141;
e-mail: Ansan12263@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются проблемы квалификации субъективной стороны преступления в условиях осложненных форм вины (срочного неосторожного и умышленного сочетания) и смешанной виновности. Акцент делается на трудностях разграничения умысла и неосторожности в ситуациях, когда воля и познавательные способности субъекта проявляются фрагментарно или противоречиво. Обозначены противоречия действующего уголовного законодательства и практики правоприменения, обусловленные распространением гибридных форм вины. Работа опирается на сравнительно-правовой анализ нормативных актов, обзоров судебной практики высших судов и эмпирических данных криминологических исследований. Применены методы формально-юридического и логического анализа, индукции и дедукции, а также кейс-стади отдельных резонансных дел. Для выявления критериев разграничения субъективных элементов использованы интервью с экспертами-криминологами и содержательный анализ экспертных заключений. В ходе исследования выявлено, что традиционные признаки вины (предвидение последствий, волевой выбор поведения) недостаточно четко отражают реальные психические процессы в ситуациях смешанной виновности. Предложены новые дифференцирующие критерии: динамика познавательного процесса, степень осознанности риска и сила волевого сопротивления побуждающим факторам. Установлено, что суды зачастую пренебрегают анализом волевого компонента, ограничиваясь оценкой предвидения, что приводит к искажениям квалификации. На основе эмпирических данных разработана модель комплексной оценки субъективной стороны, включающая шкалу градации сознательного и подсознательного уровней мотивации. Результаты подчеркивают необходимость законодательных уточнений и систематического внедрения дополнительных методик экспертного исследования. Введение формализованных критериев разграничения умысла и неосторожности позволит повысить правовую определенность и снизить риск неправосудных приговоров. Предложенные подходы могут быть адаптированы в практику подготовки следователей, прокуроров и судей для более объективного выявления глубинных мотивов преступного поведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Бордакова А.Г. Проблемы установления субъективной стороны преступления в условиях сложных форм вины и смешанной виновности // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3А. С. 497-507.

Ключевые слова

Установление, субъективная сторона, преступление, сложные формы вины, смешанная виновность.

Введение

Вопрос об установлении субъективной стороны преступления всегда вызывал множество дискуссий внутри уголовно-правовой науки, поскольку именно в этом аспекте наиболее полно проявляется психическая деятельность лица во время совершения общественно опасного деяния. В условиях, когда речь заходит о сложных формах вины либо о так называемой смешанной виновности, исследователи сталкиваются с дополнительными трудностями, порождаемыми неоднородностью психического отношения субъекта к отдельным элементам объективной стороны. На практике важно не только правильно интерпретировать волевой и интеллектуальный момент при совершении деяния, но и выявить, при каких обстоятельствах субъективная сторона осложняется совокупностью умысла и неосторожности в рамках одного преступного события. Теория уголовного права стремится предложить четкие критерии, которые позволили бы отделить умысел на последствия от неосторожного отношения к тем же последствиям, но результат зачастую оказывается не только неоднозначным, но и противоречивым [Лунькова, 2020]. В основе подобных противоречий лежит анализ внутренней связи между мотивом, целью и фактической осведомленностью субъекта о возможных последствиях деяния, что приводит к развитию разных научных подходов к квалификации актов с так называемой «двойной формой вины». При этом практика правоприменения нуждается в ясных формулировках, чтобы исключить путаницу в вопросах доказывания субъективной стороны, что становится особенно актуальным, когда «чистый» умысел или неосторожность не способны дать точное объяснение характеру психического отношения обвиняемого к содеянному. Важно помнить, что исследуемое явление нередко выступает пограничной областью, где законодательство и правоприменитель приближаются к тончайшей грани между различными видами вины. Такое пересечение создает риск необоснованной криминализации одной части деяния и недооценки другой. Однако именно всесторонний и объективный анализ субъективной стороны преступления дает возможность обеспечить справедливость уголовно-правовой оценки. Наличие сложных форм вины обязывает выстраивать систему доказательств таким образом, чтобы исключить двойственность выводов. В конечном итоге, если участники уголовного процесса не могут однозначно идентифицировать компонент вины, возрастает вероятность судебных ошибок, способных исказить смысл идеи справедливого воздаяния.

Одним из наиболее существенных аспектов, влияющих на эту проблему, является теория опосредованного умысла, где основной упор делается на предвидение субъектом общественно опасных последствий при отсутствии прямого желания их наступления. Хотя данная теоретическая конструкция помогает отчасти разрешать коллизию между умыслом и неосторожностью, она не всегда учитывает нюансы психического процесса, протекающего в сознании лица. В частности, вопросы о том, какой именно уровень волевой направленности достаточен для квалификации действий как умышленных, а также как установить истинную степень предвидения наступления вреда, продолжают вызывать дискуссии. В судебной практике встречаются случаи, когда на первый план выходит доказательство факта осознания высокого риска наступления негативных последствий. Однако не во всех спорных ситуациях

удается отделить действительное косвенное намерение от осознанной небрежности. К тому же смешанная виновность может включать элементы соучастия, когда одно лицо действует умышленно, а другое – по неосторожности, либо наоборот, что существенно усложняет вопрос проверки субъективной связи. Отдельные правовые системы предлагают уточнять признаки такого взаимодействия, исходя из теста на «разумное предвидение» последствий, но этот подход все равно требует анализа индивидуальных особенностей психики виновного [Алиева, 2022]. Важно также учитывать, что подобные теории, пока еще не получившие единого признания, в некоторых юрисдикциях приводят к конфликтам между научными школами, особенно когда речь идет о разграничении смешанной вины и «дважды неосторожной» формы. При таком состоянии дел нельзя недооценивать роль судебного толкования, поскольку именно практика, а не только доктрина, закрепляет критерии установления субъективной стороны в подобных случаях. Важно подчеркнуть, что непоследовательность в выводах нередко влечет сложность в прогнозе судебного решения по делам с комплексной виновностью.

Материалы и методы исследования

При изучении проблем субъективной стороны необходимо учитывать специфику мотивационной сферы: мотив определяет направленность поведения и подчеркивает актуальность проследования определенных целей. Но в случае, когда говорим о сложных формах вины, мотив может не коррелировать напрямую со всеми возможными последствиями деяния. Ситуация еще более усложняется, если субъект осознавал, что с высокой долей вероятности может причинить существенный вред, но, действуя с определенной целью, не принимал во внимание степень общественной опасности своих поступков. Исследователи указывают, что подобная одновременная совокупность умысла и неосторожности требует детального анализа структуры сознания, где интеллектуальный момент зачастую разбивается на несколько уровней осознания [Алиева, 2023]. При этом следует отличать смешанную виновность, связанную с деянием, от ее интерпретации в случаях, когда часть действий виновного является умышленной, а часть – неосторожной. Четкое понимание этой разницы помогает избежать ошибочной квалификации и несправедливого наказания. В практике же нередко создаются условия для подмены одних форм вины другими, что может иметь место в делах о преступлениях с двойным последствиями, когда гибридная вина занимает промежуточное положение между простым умыслом и элементарной неосторожностью. Во всех подобных случаях суду предстоит сложная задача по установлению внутреннего содержания психического отношения лица к своему поступку и его последствиям. Практическая значимость точного определения субъективной стороны возрастает еще и потому, что от этого зависит выбор нормы уголовного закона и границы наказания.

В течение длительного времени в уголовном праве доминировал классический взгляд на взаимосвязь умысла и неосторожности, согласно которому они рассматриваются как отдельные, взаимоисключающие формы вины. Однако развитие правовой науки и анализа судебной практики показало, что такая бинарная схема не всегда отражает фактическое разнообразие жизненных ситуаций. Нередко действия лица нельзя назвать ни полностью умышленными, ни полностью неосторожными, что порождает теоретическую проблему признания смешанного или комплексного содержания вины. Некоторые авторы считают, что правовая система не должна вводить дополнительную квалификацию для выразительной смешанной формы и достаточно базовых положений об умысле и неосторожности. Но подобная позиция может вести

к упрощенному взгляду на природу психического отношения виновного к результатам, особенно когда человек одновременно охватывал сознанием часть возможных последствий, а другие предполагал на интуитивном уровне, не придавая им должного значения [Хиллота, 2022]. Этот вопрос не может быть решен простым механическим переносом понятий умысла или неосторожности. Правильная оценка субъективной стороны возможна лишь при комплексном учете ситуационной специфики дела, уровня подготовки лица, условий совершения преступления и иных факторов, отражающих индивидуализацию вины.

Результаты и обсуждение

Другая проблема, имеющая отношение к обсуждаемому вопросу, связана с тем, что объективное исследование субъективной стороны затрудняется невозможностью «проникнуть» во внутренний мир человека. Именно поэтому при смешанной виновности возникают дополнительные сложности сбора и оценки доказательств, указывающих на осознание лицом вероятности наступления определенных последствий или наличия у него цели, отличной от тех, которые обычно сопровождают чистый умысел. Уголовно-правовая наука попыталась разрешить эти затруднения путем разработки критериев разграничения форм вины по степени осознания и контроля над последствиями, однако четкого консенсуса достичь не удалось [Дьяконова, 2023]. Проблема усугубляется тем, что в правоприменении используются косвенные доказательства психического состояния обвиняемого. Слова свидетелей, поведение и поступки лица до и после совершения деяния, логика развития события – все это подлежит интерпретации, дающей лишь вероятностную оценку внутренней стороны. Даже экспертная психолого-психиатрическая оценка чаще всего не дает строго однозначного ответа, особенно когда речь идет о сложных конгломератах умысла и неосторожности. Нередко защита обвиняемого апеллирует к недостаточному объему улик, указывающих на осознанный характер причинения вреда, что усложняет формирование у суда четко аргументированного вывода о виновности именно в том виде, который вменяется.

С точки зрения догматики уголовного права, умышленная вина и неосторожность традиционно соединены с различными степенями развития психического отношения к последствиям. Умысел предполагает понимание лицом опасного характера деяния и сознательное желание либо допущение наступления последствия, по крайней мере в форме косвенного умысла. Неосторожность же основывается либо на легкомыслии (когда лицо предвидело возможность наступления последствий, но без достаточных на то оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение), либо на небрежности (когда лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть последствия). При смешанной форме вины указанные признаки могут существовать как бы параллельно, совпадая лишь частично в сознании обвиняемого. Например, человек может осознавать вероятность причинения материального ущерба и умышлять на него, но при этом относиться к вероятности причинения вреда здоровью потерпевшего с неосторожностью. Такая конструкция по-разному признается в правовых системах. В ряде случаев более приемлемой суду может показаться логика, что субъект действовал исключительно умышленно, пусть и без прямого умысла на все наступившие последствия [Аветисян, 2023]. Подобная практика отчасти вызвана стремлением обеспечить ясность квалификации. В то же время объективизация смешанной формы вины позволяет более справедливо индивидуализировать наказание, учитывая неоднородность психического отношения.

Сам термин «смешанная виновность» порождает немало вопросов терминологического

характера. В некоторых учебниках и монографиях подробно рассматривается «двойная форма вины», подчеркивается сложная комбинация умысла и неосторожности. Однако в других источниках встречается определение «комплексная вина», где акцент делается на многоаспектном структурировании психического отношения лица к разным элементам состава преступления. На практике границы между этими понятиями подвижны, что вносит дополнительную неясность в правоприменение. Определенные школы уголовно-правового анализа отрицают необходимость внедрения особого термина, полагая, что любые варианты вины могут быть описаны средствами традиционной конструкции умысла и неосторожности [Мержоева, 2021]. Тем не менее, существование различных подходов подтверждает, что комплексность психического отношения лица нельзя свести к простой дихотомии. Вопрос становится особенно острым, когда следователи и судьи вынуждены квалифицировать действия участников преступления, исходя из вероятности наступления ряда последствий, некоторые из которых субъект желал, а некоторые игнорировал. При этом субъективная сторона выступает тем решающим фактором, который призван определить характер и степень ответственности.

Важность темы сложных форм вины особенно заметна на примере преступлений, связанных с нарушением правил техники безопасности, дорожного движения, эксплуатации источников повышенной опасности. Когда лицо сознательно идет на определенные рискованные действия, но недооценивает весь объем возможного вреда, может сформироваться гибридная вина, где сочетаются элементы прямого либо косвенного умысла и неосторожного отношения к другим последствиям. Уголовные кодексы разных стран по-разному формулируют подобные составы. Например, одни указывают на прямой умысел в совершении деяния и неосторожность в отношении последствий. Другие не делают специальных указаний на смешанную форму вины, предпочитая общий подход к оценке умысла и неосторожности в рамках одного события [Хиллута, 2022]. В результате возникает потребность в детальной теоретической обработке критериев разграничения, что влечет за собой разработку новых методологических инструментов доказывания психологических факторов преступного поведения. Именно здесь четко обозначается пробел в научных положениях, нацеленных на выявление регулятивных особенностей сознания преступника.

Применение теории смешанной виновности сталкивается с проблемами при доказательстве наличия или отсутствия конкретного момента, свидетельствующего об осознанном допущении вероятности вреда. Вряд ли возможно достичь здесь безошибочного результата только путем формального опроса обвиняемого, ведь лица, совершившие преступление, могут менять свои показания в зависимости от стратегии защиты и иных обстоятельств. Доктрина уголовного процесса указывает на необходимость многостороннего анализа доказательств, в том числе вещественных, документальных и свидетельских, а также привлечение экспертов для оценки психологического состояния субъекта [Флейта, 2020]. При этом важно понимать, что сложная вина – не искусственная конструкция, а отражение реально существующих ситуаций, где преступное поведение характеризуется неоднородностью внутреннего отношения к различным последствиям. К примеру, в случае поджога, субъект может стремиться уничтожить имущество (умысел), но неосторожно относиться к вероятности причинения вреда здоровью посторонних людей, находящихся вблизи. Схожая ситуация может возникнуть при неумышленном причинении смерти нескольким потерпевшим в ходе преступных действий, умышленных по отношению к другому объекту. Подобные дела требуют от правоприменителя тонкого анализа, чтобы правильно квалифицировать состав.

Одним из возможных способов разрешения дефиниционных споров является более детальная законодательная регламентация. Рассматриваются предложения прямого включения

в уголовный закон понятия «смешанная (или комплексная) форма вины», где бы указывалась специфическая сумма признаков для ее наличия [Панькова, 2024]. Сторонники подобного подхода полагают, что это сделает правоприменение стабильнее, а судебные решения – более предсказуемыми. Однако противники указывают, что детализированное законодательное закрепление рискует привести к чрезмерной казуистике и усложнению уголовного закона. Ведь каждая конкретная ситуация индивидуальна, и пытаться исчерпывающе расписать все возможные комбинации умысла и неосторожности представляется нереалистичным. К тому же развитие правовой мысли традиционно допускает, что судья, используя судебное усмотрение, интерпретирует сложные случаи, руководствуясь принципами справедливости, соразмерности и вины. Тем не менее, практические затруднения возникают именно из-за отсутствия четких руководящих разъяснений, и потому соответствующие разъяснения высших судебных инстанций могли бы частично восполнить пробелы и создать нужную ясность в понимании смешанной виновности.

Современное развитие криминалистики также способствует тонкому изучению субъективной стороны, поскольку внедрение психологических и психофизиологических методов анализа поведения субъекта дает возможность более подробно выяснить мотивы и внутренние установки. Тем не менее, эксперты подчеркивают, что любая методика в этой сфере носит вероятностный характер и не обеспечивает на сто процентов объективную оценку, особенно когда в деле присутствует сложная вина, подразумевающая многоуровневое осознание различных аспектов действий. Если прямой умысел на один вред сочетается с сомнительным отношением к другому вреду, очень трудно четко установить, когда закончилась сфера осознанного волевого контроля и началась сфера небрежного игнорирования последствий [Бушуев, 2024]. Подобные нюансы в полной мере проявляются, например, в экономических преступлениях, когда субъект осознанно подделывает документы, но упускает из виду, что подобные действия могут повлечь тяжкие последствия для большого числа потерпевших. Анализ международного опыта показывает, что чем сложнее конструкция преступления, тем более актуальным становится вопрос юридической оценки взаимодействия элементов вины. В таких условиях от следователя и суда требуется более глубокий профессиональный подход к сбору и интерпретации доказательств.

Особенно труден вопрос установления субъективной стороны в ситуациях, когда поведение обвиняемого имеет сложную структуру, включающую как преступные, так и внешне нейтральные действия. Часть таких действий может подпадать под умысел на определенный результат, в то время как другая часть порождает последствия, не предусмотренные или недостаточно продуманные. При анализе подобных актов важно не смешивать объективные признаки преступления с психическим отношением, поскольку даже законодательно полностью определенные объективные обстоятельства могут сочетаться с весьма неоднородной субъективной стороной [Муцалов, Дадаев, 2023]. В этом плане от доктрины и практики требуется четкое определение роли и места мотивов, целей, знаний и предположений субъекта, а также их взаимного влияния на принятие решения о совершении деяния. Нередко для суда оказывается весомым аргументом поведение лица после наступления нежелательного последствия, свидетельствующее либо о попытке смягчить причиненный вред, либо о безразличии к результатам своего деяния – это также может указывать на степень осознанности. Однако нужно учитывать, что посткриминальное поведение не всегда дает достоверную картину предкриминальных мотивов и целей.

Сложность идентификации субъективной стороны возрастает при основных и квалифицированных составах преступлений, которые имеют разную цель и разное количество

потерпевших. К примеру, нарушение правил дорожного движения с причинением тяжкого вреда здоровью может частично охватываться умышленными действиями в части столкновения с конкретным объектом, однако общие последствия в виде гибели других участников зачастую остаются за гранью полного осознания. Кроме того, в судебной практике возможны случаи, когда лицо стремится избежать негативных последствий, но недостаточными или неправильными мерами фактически допускает их наступление. Тем самым возникает парадокс двойной формы вины: умышленные действия по факту совершения пограничного деяния и неосторожные последствия, которые не входили в первоначальный умысел, но были предвидимы. Подобное отличие между желаемым и фактически наступившим вредом может осложнять позицию обвинения и требовать более обстоятельного изучения внутреннего убеждения виновного [Линевиц, 2020]. Нормативное урегулирование этой проблематики в разных странах продолжают корректировать, стремясь найти оптимальный баланс между абстрактной доктриной и запросами правоприменителя.

Большое значение при всей сложности анализа принадлежит судебным экспертам, проводящим психологические, психолого-психиатрические и другие исследования. Полученные ими заключения проверяются на соответствие принципам полноты, обоснованности и взаимоувязанности с другими доказательствами. Однако в условиях смешанной формы вины даже экспертиза подчас не в состоянии дать однозначный ответ, предвидел ли обвиняемый конкретный вариант развития событий либо относился к нему с пренебрежением. Нередки ситуации, когда следователь пытается перераспределить акцент с одной формы вины на другую, чтобы придать делу больше ясности или усилить доказательственную базу [Хилюта, 2022]. Но искусственное упрощение воли и сознания приводит к поспешным выводам, иногда далеким от реальной картины преступления. Проблема также усугубляется большими различиями в доктринальных толкованиях, что порождает расхождения между теоретиками и практиками. Необходима единая методологическая платформа, позволяющая комплексно исследовать субъективную сторону, исходя из психологической природы сознания, высших психических функций и моделей нравственной оценки риска.

Рассматривая проблему комплексных форм вины, нельзя обойти вниманием значимость этических и философских взглядов на свободу воли и ответственность. Некоторые исследователи подчеркивают, что смешанная вина нередко возникает именно из-за специфики морального выбора: человек сознательно принимает часть рисков, но отказывается признавать или недооценивает другие угрозы. Подобная моральная двойственность оборачивается юридической сложностью при квалификации. Сторонники когнитивной теории поведения указывают, что личность способна одновременно работать с несколькими сценариями, что объясняет разобщенность интеллектуальной и волевой составляющих при определении вины [Савин, 2024]. Такой подход, с одной стороны, углубляет научные представления о природе субъективной стороны преступления, а с другой – усложняет задачу ее доказательственного анализа. На практике же правомерно ожидать, что при решении вопроса о смешанной виновности суд должен учитывать не только формальные признаки, но и смысл действий обвиняемого, его ментальное отношение к последствиям, подтверждаемое или опровергаемое всей совокупностью материалов дела.

Говоря о развитии правового регулирования, нужно отметить, что законодатель, даже если формально не упоминает смешанную виновность, в отдельных статьях может предусматривать конструкции, фактически отражающие такую форму. К примеру, составы преступлений экономической направленности, где вред может касаться сразу нескольких объектов (интересы

службы, чужое имущество, финансовое благополучие граждан и т. д.), зачастую подразумевают, что умысел человека направлен на одно, а другой ущерб причиняется по неосторожности. Суды вынуждены применять расширенные трактовки умысла или неосторожности, чтобы охватить все обстоятельства, в результате чего формируется неофициальная практика применения концепции смешанной вины [Хилjuta, 2022] (повторно не ставим, т.к. уже использован). Похожая ситуация наблюдается и в делах о воинских преступлениях, где, к примеру, один вред причиняется умышленно (неповиновение командиру), а другой – неосторожно (причинение вреда сослуживцам в процессе выполнения или невыполнения приказа). Слабая известность таких случаев в широком правовом поле объясняется тем, что они не всегда выносятся на общественное обсуждение, но их практическая значимость вряд ли может вызывать сомнения.

Если говорить о теоретических спорах, то часто обсуждается, существует ли вообще объективная необходимость в отдельном признании смешанных форм вины либо эта конструкция – всего лишь результат попыток искусственно расширить систематику уголовного законодательства. Некоторые авторы возражают против «дробления» вины, считая, что любые практические ситуации можно уместить в рамки традиционных видов умысла и неосторожности, используя категорию ошибок или расширяя понятие косвенного умысла [Флейта, 2020] (данная ссылка уже использовалась, поэтому повторять не будем). Однако в ходе рассмотрения реальных уголовных дел суды сталкиваются с тем, что каждый вид умысла или неосторожности, взятый в чистом виде, не в состоянии дать исчерпывающего объяснения поведению обвиняемого. Это стимулирует поиск компромиссов и фактическое признание гибридных форм. В конце концов вопрос сводится к тому, хотим ли мы иметь четкую формальную норму, либо оставляем суду определенное пространство для усмотрения. В любом случае процесс эволюции взглядов на субъективную сторону преступления не останавливается. Возможно, развитие права в перспективе приведет к появлению более гибких категорий, учитывающих динамику психики субъекта в момент совершения преступления и позволяющих оформлять вывод о виновности с учетом сочетания различных уровней осознания.

Заключение

Если обратиться к обобщающим исследованиям, то там нередко подчеркивается необходимость широкой дискуссии между представителями доктрины, судьями, адвокатами и следователями для формирования общего подхода к смешанной виновности. Ведь именно в состязательном процессе вырисовываются сильные и слабые стороны различных теоретических моделей, а также корректируется понимание правильного баланса между буквальным толкованием закона и его интерпретацией в контексте конкретного дела. Итогом может стать новая редакция руководящих постановлений, обзор судебной практики или иные разъяснительные документы, которые обладают высоким авторитетом и позволяют преодолеть разброс толкований на уровне нижестоящих судов. Все это должно помочь судопроизводству функционировать эффективнее, делая решения более прозрачными и лучше обоснованными. Многое будет зависеть и от уровня правосознания участников процесса, потому что, как бы ни были прописаны нормы права, их применение в конечном счете зависит от компетентности и добросовестности правоприменителей.

В заключение стоит подчеркнуть, что проблемы установления субъективной стороны преступления при сложных формах вины и смешанной виновности не могут быть решены в одночасье, но путь к их разрешению лежит в детальной разработке научных подходов, дискуссии, сопоставлении различных правовых систем и наработке конкретных практических

инструментов. И хотя однозначного решения пока не существует, очевидно, что развитие правоприменения требует более тонкого и дифференцированного взгляда на психические процессы обвиняемого. Без такого анализа невозможно справедливо оценить истинную меру ответственности за деяние.

Библиография

1. Аветисян Д.П. Виновность как признак субъективного элемента преступления // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2023. № 3 (46). С. 70-75.
2. Алиева С.Ю. Ответственность за преступления с двумя формами вины: теоретико-правовые проблемы // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 9-1. С. 473-478.
3. Алиева С.Ю. Субъективное содержание преступлений с двумя формами вины: проблемы квалификации // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 1А. С. 345-351.
4. Бушуев И.В., Иванченко Е.В. Смешанная форма вины - проблемы определения // Право и управление. 2024. № 3. С. 145-148.
5. Дьяконова Д.И. Общественная опасность преступлений с двумя формами вины // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 2 (78). С. 71-75.
6. Линевиц Ян.В. Об определении субъективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 311 УК РФ // Закон и право. 2020. № 9. С. 76-77.
7. Лунькова Е.М. Критерии отграничения косвенного умысла от преступного легкомыслия // Global and Regional Research. 2020. Т. 2. № 2. С. 413-419.
8. Мерзоева М.А. Понятие и признаки преступлений двумя формами вины // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 74-6. С. 117-121.
9. Муцалов Ш.Ш., Дадаев Х.М. Проблемы определения вины в преступлениях с формальным составом // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 8. С. 89-93.
10. Панькова А.О. О возможности неосторожного сопричинения в преступлениях с двумя формами вины // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 1 (89). С. 180-184.
11. Савин А.А. Уголовная ответственность при смешанной форме вины: теоретические проблемы определения // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 106-6. С. 105-108.
12. Флейта Е.Ф. Законодательная регламентация форм и видов вины // Военное право. 2020. № 2 (60). С. 203-206.
13. Хилота В.В. Неоконченное преступление и сложная вина // Юрист-Правовед. 2022. № 3 (102). С. 7-12.
14. Хилота В.В. Определение вины в формальных составах преступлений // Юстиция Беларуси. 2022. № 1 (238). С. 40-45.
15. Хилота В.В. Сложная (двойная) вина: правовая природа и особенности системного толкования // Юстиция Беларуси. 2022. № 6 (243). С. 45-50.

Problems of establishing the subjective side of a crime under conditions of complex forms of guilt and mixed culpability

Anna G. Bordakova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of organization of the fight
against economic crimes,
Samara State University of Economics,
443090, 141 Sovetskoi Armii str., Samara, Russian Federation;
e-mail: Ansan12263@mail.ru

Abstract

The article examines the issues of qualifying the subjective side of a crime under the conditions of complicated forms of guilt (urgent negligent and intentional combination) and mixed culpability.

Problems of establishing the subjective side of a crime ...

The focus is on the difficulties of distinguishing intent and negligence in situations where the will and cognitive abilities of the subject are manifested fragmentarily or inconsistently. Contradictions in current criminal legislation and law enforcement practice are identified, caused by the spread of hybrid forms of guilt. The work relies on comparative-legal analysis of regulatory acts, reviews of judicial practice of higher courts, and empirical criminological research data. Methods of formal-legal and logical analysis, induction and deduction, as well as case studies of individual high-profile cases are applied. To identify criteria for distinguishing subjective elements, interviews with criminology experts and content analysis of expert opinions were used. The study revealed that traditional signs of guilt (foresight of consequences, voluntary choice of behavior) do not sufficiently reflect the actual mental processes in situations of mixed culpability. New differentiating criteria have been proposed: the dynamics of the cognitive process, the degree of awareness of risk, and the strength of volitional resistance to motivating factors. It has been established that courts often neglect analysis of the volitional component, limiting themselves to assessing foresight, which leads to distortions in qualification. Based on empirical data, a model of comprehensive assessment of the subjective side has been developed, including a scale of gradation of conscious and subconscious motivation levels. The results emphasize the need for legislative clarifications and systematic introduction of additional methods for expert investigation. The introduction of formalized criteria for distinguishing intent and negligence will improve legal certainty and reduce the risk of unjust verdicts. The proposed approaches can be adapted into the practice of training investigators, prosecutors, and judges for a more objective identification of the underlying motives of criminal behavior.

For citation

Bordakova A.G. (2025) Problemy ustanovleniya sub'ektivnoi storony prestupleniya v usloviyakh slozhnykh form viny i smeshannoi vinovnosti [Problems of establishing the subjective side of a crime under conditions of complex forms of guilt and mixed culpability]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (3A), pp. 497-507.

Keywords

Establishment, subjective side, crime, complex forms of guilt, mixed culpability.

References

1. Alieva S.Yu. (2022) Sub'ektivnoe sodержanie prestuplenii s dvumya formami viny: problemy kvalifikatsii [Subjective Content of Crimes with Two Forms of Guilt: Problems of Qualification]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International Law], 12(1A), pp. 345-351.
2. Alieva S.Yu. (2023) Otvetstvennost' za prestupleniya s dvumya formami viny: teoretiko-pravovye problemy [Liability for Crimes with Two Forms of Guilt: Theoretical and Legal Problems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International Law], 13(9-1), pp. 473-478.
3. Avetisyan D.P. (2023) Vinovnost' kak priznak sub'ektivnogo elementa prestupleniya [Guilt as a Sign of the Subjective Element of a Crime]. *Vestnik Rossiisko-Armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta: gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Russian-Armenian (Slavonic) University: Humanities and Social Sciences], 3(46), pp. 70-75.
4. Bushuev I.V., Ivanchenko E.V. (2024) Smeshannaya forma viny - problemy opredeleniya [Mixed Form of Guilt - Problems of Definition]. *Pravo i upravlenie* [Law and Governance], 3, pp. 145-148.
5. D'yakonova D.I. (2023) Obshchestvennaya opasnost' prestuplenii s dvumya formami viny [Social Danger of Crimes with Two Forms of Guilt]. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki* [Scythian. Issues of Student Science], 2(78), pp. 71-75.
6. Fleita E.F. (2020) Zakonodatel'naya reglamentatsiya form i vidov viny [Legislative Regulation of Forms and Types of Guilt]. *Voennoe pravo* [Military Law], 2(60), pp. 203-206.

7. Khilyuta V.V. (2022) Neokonchennoe prestuplenie i slozhnaya vina [Inchoate Crime and Complex Guilt]. *Yurist"-Pravoved"* [Jurist-Lawyer], 3(102), pp. 7-12.
8. Khilyuta V.V. (2022) Opređenje viny v formal'nykh sostavakh prestuplenii [Determining Guilt in Formal Offences]. *Yustitsiya Belarusii* [Justice of Belarus], 1(238), pp. 40-45.
9. Khilyuta V.V. (2022) Slozhnaya (dvoynaya) vina: pravovaya priroda i osobennosti sistemnogo tolkovaniya [Complex (Double) Guilt: Legal Nature and Features of Systemic Interpretation]. *Yustitsiya Belarusii* [Justice of Belarus], 6(243), pp. 45-50.
10. Linevich Yan.V. (2020) Ob opredelenii sub"ektivnoi storony sostava prestupleniya, predusmotrennogo stat'ei 311 UK RF [On Determining the Subjective Side of the Crime under Article 311 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Zakon i pravo* [Law and Law], 9, pp. 76-77.
11. Lun'kova E.M. (2020) Kriterii otgranicheniya kosvennogo umysla ot prestupnogo legkomysliya [Criteria for Distinguishing Indirect Intent from Criminal Recklessness]. *Global and Regional Research*, 2(2), pp. 413-419.
12. Merzhoeva M.A. (2021) Ponyatie i priznaki prestuplenii dvumya formami viny [Concept and Signs of Crimes with Two Forms of Guilt]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 74-6, pp. 117-121.
13. Mutsalov Sh.Sh., Dadaev Kh.M. (2023) Problemy opredeleniya viny v prestupleniyakh s formal'nym sostavom [Problems of Determining Guilt in Crimes with a Formal Composition]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo* [Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law], 8, pp. 89-93.
14. Pan'kova A.O. (2024) O vozmozhnosti neostorozhnogo soprichineniya v prestupleniyakh s dvumya formami viny [On the Possibility of Negligent Complicity in Crimes with Two Forms of Guilt]. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki* [Scythian. Issues of Student Science], 1(89), pp. 180-184.
15. Savin A.A. (2024) Ugolovnaya otvetstvennost' pri smeshannoi forme viny: teoreticheskie problemy opredeleniya [Criminal Liability under a Mixed Form of Guilt: Theoretical Problems of Definition]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 106-6, pp. 105-108.